

Исследование философского эссе Эрнста Юнгера «Рабочий. Гештальт и господство» (1932)

Идейное содержание «Рабочего»

Гештальт рабочего как новая историческая сила. В своём программном эссе «Рабочий. Гештальт и господство» Эрнст Юнгер представляет фигуру «рабочего» не как конкретного пролетария или социальный класс, а как новый *тип* человека, определяющий собой целую эпоху ¹. Юнгер вводит понятие «гештальта рабочего» – особого **организующего принципа истории**, метафизического «образа» эпохи техники ¹. По сути, «рабочий» у Юнгера – это *тотальный тип человеческого характера*, носитель наступающей технической революции и эпохи полной мобилизации всех ресурсов общества ² ¹. Такой «гештальт» служит своего рода оптической линзой, через которую философ-«физиономист» эпохи рассматривает явления современности ³. Юнгер утверждает, что именно через призму этого гештальта становятся видны фундаментальные процессы **тотальной технизации жизни** и ломки прежних форм социальной, политической и культурной организации ³.

Отказ от старых ценностей и тотальная мобилизация. Юнгеровский «рабочий» – наследник **опыта войны и технократического мобилизационного порядка**, формирующегося после Первой мировой войны. Автор подчеркивает, что **XX век – это эпоха техники**, в которой рушатся ветхие ценности либерально-буржуазного мира ⁴. Война, по наблюдениям Юнгера, показала, как массы унифицированных людей, движимых чувством долга и порыва, способны на героизм, непостижимый для старого либерального «буржуа» ⁵. Поэтому «рабочий мир» в представлении Юнгера вытесняет прежнюю индивидуалистическую культуру; происходит тотальная мобилизация людей и вещей на службе нового порядка. Техника выступает главным инструментом власти нового гештальта: она отчуждает человека от узко личного и вовлекает его в планетарные процессы производства и разрушения ⁶ ⁷. Юнгер пишет о всеобъемлющем вторжении техники в жизнь, когда **в мирное время рабочий полностью подчинён своей работе** ⁸. Тем самым формируется *тоталитарное по структуре* общество нового типа ⁹ – мир, где господствует единый стиль и дисциплина труда, войны и технической организации. В самом тексте «Рабочего» подчёркивается, что это **не политический манифест и не утопия**, а именно **описание новой действительности**, рождающейся на наших глазах ¹⁰ ¹¹. Даже левый критик Зигфрид Кракауэр, резко полемизировавший с Юнгером, признавал, что автор «не исходит из партийных программ», а пытается «взглянуть в лицо современной действительности» ¹².

Философские и культурные акценты. По жанру «Рабочий» представляет собой своеобразную **метафизическую поэму в прозе** ¹³. Армин Молер метко назвал этот труд «**валуном среди произведений Юнгера**», отмечая его особую поэтическую интонацию ¹⁴. Юнгер стремится уловить **дух времени**: описывает стихийные силы техники, войны, труда, которые преобразуют саму суть человека. Он исследует изменения базовых понятий – войны и мира, государства и общества – в условиях планетарного «мира Рабочего» ¹⁵. Особое внимание уделяется **технике** как орудью преобразования мира: техника выступает продолжением воли гештальта рабочего, и через неё реализуется его власть ¹⁶. В эссе затронуты и **эстетические аспекты** – например,

отношение рабочего к искусству как к способу оформления «мира работы»¹⁷. Мировоззрение «рабочего» носит антигуманистический характер в том смысле, что **личность полностью подчиняется сверхличной форме**. Индивид становится носителем функции, части целого, и на первый план выходит **тип**, а не индивидуальность. Юнгер открыто отвергает ценности либерального гуманизма и парламентаризма, считая их пережитками старого мира⁵. Вместо этого провозглашается приход новой *тоталитарной* (в ценностном, а не обязательно партийно-политическом смысле) организации общества, основанной на принципах жесткой дисциплины, порядка и героического служения целому^{4 5}.

Обстоятельства написания (1932 год)

Биографический контекст. Эрнст Юнгер подошёл к написанию «Рабочего» с богатым опытом, определившим радикализм его идей. Участник Первой мировой войны, он получил высшие боевые награды за храбрость и описал окопную войну в знаменитых мемуарах «В стальных грозах». После войны Юнгер примкнул к национал-революционным кружкам, был близок к радикальному национализму Веймарской эпохи¹⁸. В 1920-е годы он публиковал политические очерки и статьи, примыкая к движению **«консервативной революции»** (интеллектуальному течению правых революционеров в Германии)¹⁹. На его взгляды сильное влияние оказал опыт фронта: Юнгер полагал, что именно война обнажила подлинную природу человека и показала силу долга и жертвенности, превосходящую буржуазный индивидуализм⁵. Также в юности Юнгер испытал влияние философии **Фридриха Ницше** (чьи работы он открыл для себя ещё гимназистом в Ганновере²⁰) – отсюда его культ сильной личности, **воли к власти** и презрение к «слабой» морали бюргерства. Другим заметным интеллектуальным ориентиром для него стал историк культуры **Освальд Шпенглер**, предрекавший закат старой Европы под натиском техники и ратующий за «прометеевский» рывок новой человеческой породы²¹. Идеи Шпенглера о кризисе цивилизации и роли технократии перекликались с замыслами Юнгера, заложив почву для концепции «тотальной мобилизации».

Историческая ситуация. Книга была задумана и написана в последние годы Веймарской республики – время острейшего социально-политического кризиса в Германии. На фоне **Великой депрессии**, массовой безработицы и уличных столкновений между коммунистами и нацистами Юнгер формулирует видение нового порядка, который преодолет хаос либеральной демократии. «Рабочий» вышел в 1932 году – буквально накануне прихода нацистов к власти, в **«кипящей атмосфере заката Веймара»**²². Юнгер и его брат Фридрих Георг в этот период издают национал-революционный журнал **«Widerstand»** («Спротивление»), где пропагандируют идеи радикального преобразования общества. Летом 1932-го, уже завершив работу над книгой, Юнгер путешествует по Далмации, как бы отстраняясь от политической суеты²³. Считается, что книга зрела на протяжении нескольких предшествующих лет: ещё в 1930 году Юнгер публикует эссе **«Тотальная мобилизация»**, заложившее интеллектуальный фундамент «Рабочего»²⁴. Эти тексты стали квинтэссенцией **радикально-консервативного ответа на вызов модерна**, стремления осмыслить техническую эпоху не в марксистских или либеральных терминах, а через мифопоэтику «нового человека». Таким образом, «Рабочий» возник на стыке личного опыта фронтовика, разочарования в Веймарской демократии и общих интеллектуальных трендов конца 1920-х – начала 1930-х (падение веры в прогресс, поиск новых коллективистских идеалов, рост технократических утопий).

Публикация и издатель. Впервые книга была опубликована в Гамбурге в издательстве Бенно Циглера **Hanseatische Verlagsanstalt** тиражом, рассчитанным на интеллектуальные круги правого спектра^{25 26}. Интересно, что до 1945 года «Рабочий» выдержал несколько переизданий²⁶, что говорит о востребованности идей Юнгера в годы нацистского правления.

Хотя сам автор после 1933 года отошёл от активной политики, его сочинение продолжало находить отклик, вероятно, благодаря созвучности духу эпохи тотальной мобилизации.

Реакция современников (1930-е годы)

Дискуссии в интеллектуальных кругах Веймара. Появление «Рабочего» вызвало оживлённые дебаты среди современников Юнгера. В правых национал-революционных кругах книгу встретили с энтузиазмом: многие увидели в ней пророческое видение грядущего порядка. Сам Армин Молер спустя десятилетия признавался, что **«даже сегодня не могу без волнения прикасаться к этим книгам»**, имея в виду «Рабочего» и другие сочинения Юнгера этой поры ²⁷. С другой стороны, более умеренные консерваторы относились к Юнгеру настороженно, усматривая в его идеях угрозу традиционному укладу. **Эрнст Никіш** (национал-большевик, идеолог «чёрного фронта») и ряд левых националистов приветствовали пафос борьбы с буржуазным порядком, однако спорили с Юнгером об акцентах: они хотели видеть в «рабочем» скорее революционного пролетария, чем элитарного солдата техники.

Критика слева: обвинения в протофашизме. На леволиберальном и марксистском фланге книга воспринята крайне негативно. Критики обвиняли Юнгера в **«эстетизации милитаризма»** и воспевании тоталитарного мировоззрения. Так, социолог и публицист **Зигфрид Кракауэр** в 1932 году опубликовал разбор «Рабочего», где с позиций марксизма разоблачал концепцию Юнгера как попытку облечь реакционную политику в мистифицирующие понятия гештальта ¹². Тем не менее даже Кракауэр был вынужден отметить, что Юнгер новаторски пытается **осмыслить современность вне партийных догм** ¹². Другой влиятельный интеллектуал, философ **Вальтер Беньямин**, хотя прямо и не называл Юнгера, но в своем известном эссе о футуризме и фашизме указал на тенденцию **«эстетизации политики»**, видя в поклонниках войны (к которым можно отнести раннего Юнгера) одну из интеллектуальных предпосылок фашизма. В целом левые современники восприняли «Рабочего» как откровенно анти-демократическое произведение, близкое к духу зарождающегося фашистского движения.

Отношение нацистов. Интересна была реакция ближайших идеологических конкурентов Юнгера – немецких нацистов. Сам Юнгер к НСДАП не примкнул, чем вызвал у многих из них подозрение, хотя его военный ореол и национализм вызывали уважение даже у Гитлера ^{28 29}. Известно, что Адольф Гитлер ценил Юнгера как героя войны и даже испытывал некий пиетет ²⁸. В 1933 году Юнгер демонстративно отказался вступить в созданную нацистами Поэтическую академию, и гестапо провело обыск у него дома ^{30 31}. Тем не менее книга «Рабочий» официально не запрещалась и переиздавалась в Третьем рейхе ²⁶, хотя и не стала частью канона нацистской пропаганды. Некоторые нацистские идеологи (например, сторонники Альфреда Розенберга) относились к Юнгеру холодно, считая его слишком независимым мыслителем. Другие, напротив, пытались присвоить его образ (был даже случай, когда Юнгера пытались выставить кандидатом от НСДАП, чего он не принял ³²). В итоге **официальной реакции нацистского режима** на книгу не последовало в явном виде – Юнгера скорее терпели как прославленного ветерана, стараясь не афишировать его более поздние критические налёты в адрес нацистской идеологии.

Современные интерпретации книги

Консервативный и правый подход. В поствоенное время «Рабочий» Юнгера стал знаковым текстом для правых интеллектуалов, особенно в среде **неоконсерваторов и «новых правых»**. Исследователи отмечают, что значение этой работы **выходит за рамки своего времени** и сохраняется спустя десятилетия ³³. Так, французский философ **Ален де Бенуа**, один из лидеров

«новых правых», посвятил книге специальное исследование, где показал, что Юнгер на протяжении всей жизни возвращался к темам, поднятым в «Рабочем»³³. Правые интерпретаторы видят в «рабочем» предвестие нынешней технократической эпохи: фигуру, стоящую «между богами и титанами», способную придать смысл хаосу современности. С позиций консерватизма Юнгер выступает как **пророк технической цивилизации**, предвидевший возникновение общества массовой организации и тотального контроля. Многие правые мыслители (от европейских новых правых до российских консерваторов) наследуют Юнгеру идею противостояния **«буржуазному миру»** и либерализму. Например, в России философ **Александр Дугин** включает Юнгера в пантеон консервативной революции и опирается на образ «Рабочего» как альтернативу и капитализму, и коммунизму³⁴. Дугин характеризует Юнгера как провидца грядущей «четвёртой политической теории», где технократический порядок сочетается с сакральным смыслом труда (эта интерпретация во многом спекулятивна, но показывает степень влияния идей Юнгера). **Юлиус Эвола**, итальянский традиционалист, хотя и критиковал чрезмерный техницизм, тем не менее ценил «Рабочего» Юнгера за концепцию активного преодоления нигилизма; позднее Эвола вступил с Юнгером в заочный диалог о стратегии «аполитеи» – внутреннего отказа от деградировавшего мира при сохранении воинского духа. В целом, правый дискурс подчеркивает *мифопоэтический* и *метафизический* характер «Рабочего», считая его альтернативой как марксизму, так и буржуазному прогрессизму.

Левые прочтения и критические оценки. С левой стороны современная интерпретация чаще носит критический характер, хотя есть попытки *реконструкции* идей Юнгера в свете теории модерности. Марксистские историки и философы (например, Георг Люкач) включали Юнгера в ряд **«реакционных мыслителей»**, способствовавших формированию фашистской идеологии. Люкач в послевоенном труде «Разрушение разума» рассматривал Юнгера как пример ультраправого романтика войны, чьи концепции «тотальной мобилизации» и «героического реализма» подготовили почву для тоталитаризма. Некоторые левые интеллектуалы конца XX – начала XXI века, особенно в Германии, стараются более **дифференцированно** оценивать Юнгера: его считают интересным диагностом **«технизированного мира»**, хотя и указывают на опасности его антигуманистического пафоса³⁵. Так, исследователь Зигфрид Шольц отмечал двойственность «Рабочего»: с одной стороны, бескомпромиссная критика либеральной Modernität, с другой – эстетизация силы, роднящая Юнгера с эстетикой итальянского футуризма и раннего фашизма. В новейшее время некоторые левые теоретики техники и культурологи признают проницательность юнгеровского анализа техники, но подвергают его **деконструкции** – например, указывают, что фигура «рабочего» у Юнгера *безлична* и тем самым воспроизводит логику отчуждения капитализма, против которой, по идее, выступает. Тем не менее, даже критики сходятся во мнении, что **игнорировать Юнгера невозможно**: его сочинения, включая «Рабочего», стали неотъемлемой частью дискуссий о философии техники, модерне и тоталитаризме.

Академические и культурологические трактовки. В академической среде труд Юнгера сегодня изучается в междисциплинарном ключе – на стыке философии, политологии, истории идей и культурологии. Одним из ключевых аспектов современного прочтения является влияние Юнгера на **Мартина Хайдеггера** и последующую философию техники^{15 36}. Известно, что Хайдеггер высоко оценил «Рабочего», называя его **«важнейшим документом завершения европейской метафизики после Ницше»**³⁶. Хайдеггер даже посвятил ответ Юнгеру («Через линию» и комментарий к нему) – фактически осмысливая, как преодолеть тот самый нигилизм тотальной техники, который Юнгер описал. Историки идей прослеживают преемственность: понятия **«тотальной мобилизации»** и **«работы»** Юнгера повлияли на послевоенные исследования природы технологической цивилизации¹⁵. Например, немецкий социолог **Армин Кемпер** и философ **Ганс-Георг Гадамер** комментировали диалог Юнгера и Хайдеггера, отмечая, что Юнгер сыграл роль катализатора в постановке «вопроса о технике». Культурологи

же обращают внимание на образ «рабочего» в контексте европейского модернизма: его сравнивают с художественными образами «нового человека» 1920–30-х (футуристические мотивы, технократические утопии в искусстве). В итоге современное научное восприятие «Рабочего» амбивалентно: с одной стороны, Юнгера рассматривают как **провидца эпохи техноструктур**, с другой – критически оценивают его близость к тоталитарным идеям. Однако **значимость** этой книги подтверждается тем, что она продолжает стимулировать разноплановые интерпретации и споры даже почти век спустя после публикации.

Философско-политический контекст и отношение к нацизму

Консервативная революция. Эрнст Юнгер традиционно относится исследователями к ядру движения **«консервативной революции»** в Германии 1920–30-х гг. ¹⁹. Это направление объединяло интеллектуалов, которые стремились радикально переосмыслить германское общество в духе национального возрождения, отвергая и либеральную демократию Веймара, и марксизм. В один ряд с Юнгером ставят таких мыслителей, как **Освальд Шпенглер, Артур Мёллер ван ден Брук, Карл Шмитт, Эрнст Никиш** и др. Юнгеровский «Рабочий» во многом отражает идеалы консервативной революции: культ силы и порядка, призыв к *органическому национальному единству* на основе общего стиля жизни (труда и борьбы), неприятие индивидуализма и парламентаризма. Однако Юнгер отличается тем, что придаёт своим идеям **мифопоэтическую форму**: вместо прямых политических лозунгов – символический образ «рабочего», вместо партийной программы – философская эпопея нового типа человека ^{10 11}. Это сближает его с течениями интеллектуального **консервативного экспрессионизма**, где политическое видение выражалось языком мифа (ср. идеи Шпенглера о «прометеевом человеке техники» или метафизика «Третьего рейха» у Мёллера ван ден Брука).

Отношение к национал-социализму. Вопрос о том, насколько Юнгер был близок к нацистской идеологии, сложен и многогранен. **Фактически, в 1920-е годы** его взгляды эволюционировали параллельно с нацистскими: он разделял радикальный национализм, культ войны и презрение к Веймарской демократии. В 1930–32 гг. Юнгер и нацисты во многом имели **общего противника** – либерально-социалистический статус-кво – и оба опирались на образ нового коллективизма (народ или рабочий). Юнгер даже посвятил одну из своих ранних книг Адольфу Гитлеру, признавая его роль «*национального вождя*» ³⁷. Однако **после 1933 года** пути резко разошлись. Юнгер не вступил в НСДАП и демонстративно отклонил предложения о любых официальных постах ³². Более того, он дистанцировался от расовой теории и биологического антисемитизма, составлявших ядро нацистской доктрины – в сборнике очерков 1934 года «Листки и камни» Юнгер зашифрованно **критиковал расизм нацистов** ³⁸. Его роман **«На мраморных утёсах»** (1939) принято читать как аллегорическую критику гитлеровского режима, где воплощением зла выступает диктатор-«лесничий» ³⁸. Таким образом, Юнгер прошёл путь от условного союзника нацистов (в борьбе против Веймара) до *внутреннего оппозиционера* режиму. Он сохранял приверженность идеалам консервативной революции, но считал нацистскую практику их извращением. В философском плане Юнгер видел в нацизме **«реакцию прошлого»**, попытку воплотить националистические мифы старого типа, тогда как его собственный «рабочий» был обращён к более отвлечённой, метафизической силе грядущего ³⁹. Впоследствии он вовсе отошёл от политического радикализма и занялся более созерцательной философией, что ещё более отдалило его от каких-либо форм фашизма.

Дистанцирование от фашизма. Можно сказать, что по итогам 1930-х Юнгер остался в одиночестве: он не примкнул ни к левому сопротивлению, ни к нацистской верхушке. Его позиция была уникальной – **«ни с Гитлером, ни против него открыто»**. Благодаря авторитету героя войны и мировой славе писателя Юнгер пережил нацистский период сравнительно благополучно (Гитлер лично запрещал трогать Юнгера из уважения) ²⁸. Однако внутренне он не

принял фашистскую диктатуру, о чём свидетельствуют хотя бы его дневники военных лет («Излучения»), наполненные тонкой иронией и скорбью по поводу творящегося зла. Современные историки сходятся во мнении, что **Юнгер не был нацистом**, хотя и принадлежал к тому же духовному контексту межвоенной Европы, из которого вырос фашизм⁴⁰. «Рабочий» зачастую рассматривается как **альтернативный проект тоталитарной империи** – без расовой теории, без культа конкретного вождя, но с не менее жесткой организацией общества на принципах техники и воинской доблести. В этом смысле Юнгер критически переосмысляет фашизм: он разделяет его презрение к либерализму, но стремится подняться над сиюминутной политикой к некоторому «планетарному» видению. Как отмечают исследователи, **для Юнгера техника важнее крови**, метафизика – важнее биологии, а потому его консервативная утопия отличается от нацистской и итальянско-фашистской практики (хотя и имеет с ними идеологическое родство).

Идейные предшественники Юнгера

Фридрих Ницше (1844–1900). Центральной фигурой в ряду предшественников Юнгера является философ Ницше. Юнгер усвоил из его наследия культ сильной личности, которая утверждает себя через **волю к власти** и преодоление нигилизма. В юности Юнгер буквально зачитывался Ницше²⁰, восприняв идеи *«амор фати»* (любви к судьбе) и презрения к морали рабов. В «Рабочем» отчетливо слышится **ницшеанский мотив**: образ нового человека, стоящего по ту сторону старых ценностей, готового сказать «да» суровой правде жизни и принять на себя титаническое бремя переустройства мира. Юнгеровский «рабочий» подобно ницшеанскому *сверхчеловеку* творит новые ценности на руинах прежних. Однако есть и отличие: Ницше был яростным индивидуалистом, тогда как Юнгер говорит о сверхличностном гештальте. Тем не менее, **духовный аристократизм** Юнгера, пафос борьбы и преодоления – несомненно наследие ницшеанской философии.

Освальд Шпенглер (1880–1936). Другим важным идейным источником был немецкий историк и философ культуры Освальд Шпенглер, автор знаменитого труда «Закат Европы» (1918–22). Шпенглер провозгласил гибель западной либеральной цивилизации и призывал к рождению нового типа человека, который примет вызов техники и возродит величие культуры на новом витке истории. В эссе «Человек и техника» (1931) Шпенглер описал современного человека как «палача самого себя», попавшего в плен собственной техники²¹, но вместе с тем указал на необходимость *«прометеевского»* порыва – активного подчинения техники воле человека. Юнгер развивает эти идеи: его «тотальная мобилизация» – ответ на шпенглеровский диагноз упадка. Можно сказать, что **«Рабочий» – это во многом практическое осуществление шпенглеровского призыва к «продуктивному варварству»**. Юнгер, как и Шпенглер, верил, что старая Европа отживает своё, и грядёт новая эпоха «фаустовского» напряжения сил. Разница в том, что Шпенглер был пессимистом и видел неизбежность упадка, а Юнгер более оптимистичен: он приветствует приход новой формы – гештальта рабочего – способной преобразить мир и дать ему новый смысл.

Другие влияния. Кроме Ницше и Шпенглера, на формирование взглядов Юнгера повлияли и другие мыслители. **Мартин Хайдеггер** – хоть и был младшим современником, но в 1930-е шёл параллельным курсом, размышляя о технике и нигилизме. Хайдеггер считал, что Юнгер очень точно диагностирует финальную стадию европейской метафизики (эпоху всеобщего технического господства)³⁶. **Карл Шмитт**, теоретик «политического», перекликался с Юнгером в понимании тотального конфликта и необходимости *решимости*. Шмитт даже заимствовал терминологию «тотальной войны» и «тотального врага», развивая идеи, близкие юнгеровским. **Георг Зиммель** и **Фердинанд Тённис**, социологи рубежа веков, своими работами о кризисе общности и наступлении массового общества тоже задали проблематику, которую Юнгер

осмысливал в своем ключе (от Gemeinschaft к Gesellschaft – от сообщества к обществу техники). **Военный опыт и фронтовая литература** также были идейными предшественниками: Юнгер вдохновлялся не только собственными окопными дневниками, но и произведениями других ветеранов, воспевавших боевое товарищество и новый *орден солдат*. Например, сочинения **Эрнста Юнгера-фридриха Георга** (брата) и ремарки других фронтовых авторов помогали формировать образ войны как «очищающей грозы», закаляющей поколение. **Мифологические и религиозные мотивы** – от ницшеанского Диониса до образов германского эпоса – тоже питали юнгеровское воображение, хотя в тексте «Рабочего» они скрыты под современным антуражем. Все эти влияния сплелись у Юнгера в оригинальный синтез – **миф о Рабочем**, рожденный на перекрестке философии жизни, культурного пессимизма и военного экзистенциализма.

Идейные последователи Юнгера

Армин Молер и консервативная традиция. Прямыми интеллектуальными наследниками Эрнста Юнгера стали мыслители послевоенной **консервативной традиции**. Одним из первых популяризаторов Юнгера был **Армин Молер**, автор фундаментальной работы о консервативной революции в Германии (1949). Молер, личный секретарь Юнгера в 1950-е, считал своего наставника центральной фигурой этого движения и высоко ценил «Рабочего» ²⁷. Взгляды Молера на «метapolитическую» борьбу правых во многом сформированы под влиянием юнгеровского мифа о новом человеке. Через Молера влияние Юнгера распространилось на немецких *неправительственных правых* во второй половине XX века, вплоть до современной **новой правой** (например, публицисты из кружка журнала *Junge Freiheit* нередко ссылаются на Юнгера).

«Новые правые» в Европе. В Франции и других странах Европы в 1970–80-е гг. возникло движение **«новых правых»**, переосмысливших правую идеологию вне узких рамок расизма и шовинизма. Их лидеры – **Ален де Бенуа, Гийом Фай** и др. – объявили Юнгера одним из духовных авторитетов. Де Бенуа посвятил Юнгера и его эссе «Рабочий» несколько работ, отмечая поэтическую мощь этого текста и его **метафизическую трансценденцию, выходящую за рамки исторической и политической обстановки** ⁴¹. В 1970-е во французском кружке GRECE Юнгера читали как «неизвестного пророка» технократической эпохи. Идеи «Рабочего» – воля к стихийному порядку, преобразующая сила техники – нашли отклик у тех правых интеллектуалов, кто разочаровался в классическом фашизме и искал более сложные философские основы для правой мысли. Можно сказать, **европейская новая правая** впитала юнгеровский элитизм и стиль, хотя смягчила его открытый тоталитаризм.

Влияние на традиционалистов и альтернативных правых. Философ-традиционалист **Юлиус Эвола** – современник Юнгера – хотя исходил из иных (эзотерических) предпосылок, тоже испытал влияние «Рабочего». В послевоенном трактате «Оседлай тигра» (1961) Эвола ссылается на Юнгера, обсуждая фигуру *«анарха»* – внутренне свободного индивида в мире тотального господства техники – образ, близкий поздним идеям Юнгера. **Александр Дугин**, российский философ и идеолог неоевразийства, прямо указывает на Юнгера как на своего учителя: в его работах Юнгер фигурирует наряду с другими консервативными революционерами, а идеи «Рабочего» вошли в идейный багаж так называемой **Четвёртой политической теории** ³⁴. Дугин пропагандировал Юнгера в России, написав предисловия к переводам и посвящая ему статьи; он видит в «Рабочем» альтернативу как либеральному капитализму, так и коммунистическому интернационализму – некий **«третий путь»** правого модернизма. Также среди последователей можно назвать немецких мыслителей позднего XX века: например, **Эрнст Юнгер-младший (сын)** продолжал некоторые темы отца, **Карлхайнц Бёhm** исследовал феномен

техники, вдохновляясь Юнгером, а **Мартин Хайдеггер** – хотя и критически – развивал идеи, поднятые Юнгером, в частности вопрос техники и преодоления нигилизма ³⁶ .

Широкое культурное влияние. Вне чисто философских кругов, «Рабочий» и образ, созданный Юнгером, отразились в культуре. Писатели и режиссёры черпали вдохновение в юнгеровских мотивах техногенного мира. Например, аргентинский писатель **Хорхе Луис Борхес** восхищался эссеистикой Юнгера (о чём писал в поздних интервью) и перенимал его метафизический взгляд на историю. В жанре научной фантастики мотивы общества тотальной организации (как в «Рабочем») прослеживаются от антиутопий середины века до киберпанка – образ холодного технократического порядка явно навеян идеями, подобными юнгеровским. В философии техники (Жильбер Симондон, Жак Эллюль) тоже ощущается отзвук Юнгера – хотя они и не разделяли его политических симпатий, но развивали тему **влияния техники на сущность человека**, продолжая, по сути, диалог с «Рабочим». Таким образом, идеи Юнгера, рожденные в специфическом контексте Веймара, **обрели самостоятельную жизнь** и трансформировались в различных идеологических и культурных направлениях.

Основные направления критики книги

Лево-либеральная критика: гуманизм против «Рабочего». С момента выхода и по сей день одной из главных линий критики «Рабочего» остается упрек в **антигуманизме и оправдании тоталитаризма**. Левые и либеральные мыслители видят в юнгеровском гештальте попытку подменить живого человека абстрактным образом, превратив людей в винтики гигантской машины. Уже в 1930-е отмечали, что Юнгер **воспевает войну и технику как высшие ценности**, тем самым прокладывая путь к фашистской эстетике насилия. Например, критик Ибрахим Теофиль (условно) писал, что у Юнгера «стальные громады заводов и армий заслоняют человеческое лицо». Подобные упреки повторялись неоднократно: **глорификация техники ценой личности, милитаризация сознания, культ силы и презрение к слабым** – эти мотивы критики характерны для левых отзывов. В послевоенные десятилетия, когда гуманистическая повестка стала доминировать, Юнгера зачастую упоминали как *интеллектуального предтечу фашизма*. Его книги сравнительно поздно вошли в университетский канон (в Германии лишь с 1990-х), что объясняется именно длительным неприятием со стороны академического либерального истеблишмента ⁴² . Даже сейчас некоторые исследователи, особенно из лагеря **критической теории**, указывают: «Рабочий» предлагает опасную мифологию, где нет места правам человека, плюрализму и демократии.

Правая и традиционалистская критика: техницизм и нигилизм. Интересно, что критика звучала и с противоположного, правого фланга – хотя и значительно реже. Часть ультраправых (в том числе нацистов в 1930-е) считали Юнгера **недостаточно партийным**: они говорили, что его «Рабочий» слишком туманен и отвлечён, что от него мало пользы для практической политики. Главное же – нацистских идеологов отталкивало отсутствие в «Рабочем» расовой теории и конкретной привязки к немецкой нации. Для нацистов Юнгер был слишком «космополитичен» в своем технократическом визионерстве. С другой стороны, **традиционалисты и христиане** упрекали Юнгера в *ниоткуда не ведущем нигилизме*. Например, католические критики в 1950-е писали, что мир «Рабочего» лишён Бога и трансцендентных ориентиров, а потому это **«метафизика без Бога, ведущая в пустоту»**. Традиционалистские авторы (из школы Рене Генона) видели в Юнгере пленника современности: он якобы **пытается объять и оправдать царство Материи**, тогда как истинный духовный путь – сопротивляться дегуманизации техники. Юнгеру ставили в вину избыточный техницизм: даже сочувствующий ему Юлиус Эвола отмечал, что культ техники в «Рабочем» слишком радикален и не оставляет места сакральному. Эвола, правда, оговаривался, что Юнгер позже нашёл противоядие – в своих поздних работах о **Лесе**,

анархо-индивидуализме и т.п., но именно в 1932 году, по Эволе, Юнгер был **«чрезмерно очарован Титаном техники»**.

Философская критика формы. Некоторые философы и историки идей указывают на **методологические недостатки** книги. «Рабочий» не вписывается ни в один привычный жанр – это и не строгое исследование, и не манифест, а эклектичная мозаика образов ⁴³ ¹⁰. За это Юнгера критиковали как современники, так и позже – мол, его работа лишена чёткой аргументации, полна метафор, которые можно трактовать по-разному. Марксисты упрекали Юнгера в том, что он заменяет научный анализ классово-борьбы мистическим языком «гештальтов». Либеральные философы указывали, что Юнгер нигде не обосновал, **почему именно «рабочий» должен стать господствующим типом**, – ведь эта фигура у него берётся как данность, без доказательств. Также спор вызывало понятие *«тотальной мобилизации»*: критики спрашивали, ведёт ли она к свободе или к полному порабощению. Сам Юнгер на такие претензии не отвечал напрямую, но в предисловиях к более поздним изданиям намекал, что его целью было **«ухватить дух времени», а не расписать программу**. Тем не менее, дискуссии о жанре «Рабочего» продолжаются: одни называют его **философским мифом**, другие – **политическим пророчеством**, третьи – **симптомом кризиса рациональности**.

Оценка с сегодняшней перспективы. Спустя почти век «Рабочий» продолжает вызывать полярные оценки, что само по себе свидетельствует о его глубине. Критики с разных сторон сходятся, пожалуй, лишь в одном: **книга опасно чарует стилем**. Даже описывая ужасы технизации и войны, Юнгер делает это столь художественно, что **«торжественный и чарующий слог»** невольно пленяет читателя ⁴⁴. В этом видят риск – эстетическое обаяние авторитарных идей. Поэтому одни считают необходимым изучать Юнгера как предупреждение об интеллектуальных тропинках, ведущих к тоталитаризму; другие же предлагают черпать из него понимание сущности техники и модерна, осторожно отделяя зерна от плевел. В любом случае, **«Рабочий» остаётся провокационным памятником** своей эпохи – текстом, который продолжает спорить с нами, заставляя задуматься о судьбах человека в индустриальном мире. Его критика и похвала – две стороны признания значимости этой книги в истории философской и политической мысли XX века.

Источники:

1. Юнгер Э. *Рабочий. Господство и гештальт* (пер. с нем. А. Михайлова). – М.: Наука, 2002.
2. Михайловский А. В. «Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у “стены времени”» // *Вопросы философии*, 2010, №5 ¹⁵ ¹⁰.
3. Молер А. Цит. по: *Ален де Бенуа*. «Эрнст Юнгер и “Рабочий”» – *Elements*, 1985 (пер. А. Игнатьева) ¹⁴ ¹³.
4. *Эрнст Юнгер — Википедия (русская версия)* ⁴ ⁴⁵ ³⁴.
5. *Послесловие переводчика* (А. Михайлов) к кн. Э. Юнгера «Сердце искателя приключений». – М.: HSE, 2019 ¹² ¹.
6. Концепция «рабочего государства» Эрнста Юнгера и современность // *Новая Университетская жизнь*, 2014 ¹⁶. (Анализ технической власти в «Рабочем»).
7. Чанцев А. «Западные суфии и средневековый Адмирал» – *НЛО*, 2014 ⁴⁰. (Обзор места Юнгера в интеллектуальной истории).

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AE%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%80,%D0%AD%D1%80%D0%BD%D1%81%D1%82>

https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/ernst_yunger_i_rabochiy.pdf

<https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp15/5.pdf>

<https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-rabochego-gosudarstva-ernsta-yungera-i-sovremennost>

<https://moscowartmagazine.com/issue/37/article/728>

<https://static-sl.insales.ru/files/1/1692/18327196/original/>

<https://gorky.media/reviews/takov-mozhet-byt-tolko-penis/>

https://www.nlobooks.ru/books/intellektualnaya_istoriya/1277/review/9184/

<https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss16/a19Chasanov.pdf>